

литературе, несмотря на татарскую цензуру, есть еще жизнь и движение вперед», благодаря чему «публика... видит в русских писателях своих единственных вождей, защитников и спасителей от мрака самодержавия, православия и народности»¹. Значительно позднее, когда Ленин писал предисловие к своей книге «Империализм, как высшая стадия капитализма», он также ссылался на условия, которые заставляли его учитывать строгость цензуры: «... я не только был вынужден строжайше ограничить себя исключительно теоретическим — экономическим в особенности — анализом, но и формулировать необходимые немногочисленные замечания относительно политики с громаднейшей осторожностью, намеками, тем эзоповским — проклятым эзоповским — языком, к которому царизм заставлял прибегать всех революционеров, когда они брали в руки перо для «легального» произведения».

О трудностях, с которыми встречался в царской России каждый человек, пытающийся свободно обсуждать политические, философские, моральные, даже педагогические идеи, красноречиво свидетельствуют слова Ленина: «Тяжело перечитывать теперь, в дни свободы, эти искаженные мыслью о царской цензуре, сдавленные, сжатые в железные тиски места брошюры»².

Этих «тисков» избегали все-таки некоторые литературно-художественные произведения, что объясняется, конечно, и тем, что в литературе идеи «перевоплощаются» в метафорическую форму. Язык художественной литературы — это всегда более или менее эзоповский язык. Некоторые стихотворения Пушкина не могли быть напечатаны при жизни поэта из-за своего содержания, но определенный протест против тиранического режима России содержится даже и в такой поэме как «Руслан и Людмила». Русское общественное мнение обнаружило в произведениях Гоголя объективно-революционное содержание, а Добролюбов, рецензируя внешне такой безобидный роман, как «Обломов», открыл в нем своеобразный призыв к действию, которое, разумеется, в то время могло быть только революционным. Способность литературы поднимать вопросы, маскируя их с помощью художественного вымысла, была использована некоторыми борцами и сознательно. Чем является, по сути, «Что делать?» Чернышевского, если не программой революционной партии?

Но если тот факт, что при определенных обстоятельствах литература берет на себя и различные публицистические функции, единогласно признан (и легко объясним) как черта русской литературы XIX и начала XX веков, труднее, кажется, понять, почему такая же черта появляется и в западно-европейских литературах, — даже там, где, по крайней мере официально, цензура не существовала? Например, в Румынии, в то время, когда писал Караджале, политические вопросы на первый взгляд очень «свободно» обсуждались в печати. Тем не менее — с некоторыми оговорками — можно сказать, что твор-

¹ В. Г. БЕЛИНСКИЙ, *Избранные сочинения*, Москва—Ленинград, 1949, (1091 стр.), см. стр. 892.

² В. И. ЛЕНИН, *Полное собрание сочинений*, издание V-ое, т. 27, стр. 30.